

Рижские берега

Олег Озернов

Морской инженер-механик. Скоро полвека, как живу в Риге (Латвия). Последние тридцать из них – вынужденным чужаком. Душа в России, родной Одессе, той, моей... Она – боль... Принять гражданство могу. Не пытался и не хочу. Матерей «на переправе не меняю». Перо, не для подписей и резолюций, а души для взял в руки лет двадцать назад. Это у меня один из способов выговориться в пустоту, крошение хлебных строчек белым голубям чистых страниц. С возрастом, в хроническом дефиците собеседников и растущей потребности высказать себя, остро добавляется желание быть услышанным. Так писательство окончательно зашло в жизнь, добавило в неё на избегае смысла, целей и надежд. Как без этого... Связал авоську по рыбацкой памяти, складываю туда весь этот гамуз (<http://www.ozernov-oleg.ru/>). Когда началась Последняя Отечественная, мои стихи ушли на фронт.

ПОСЛЕДНЯЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ

Пришла опять, не заблудилась, давно её готовил враг,
Тот самый, сдавшийся на милость не так уж много лет назад,
Под тем же знаменем фашизма, под тот же злой звериный вой –
Вставай, любимая Отчизна, пришли опять к тебе с войной!
Забыли падлы сорок пятый, собрали сопли все в кулак,
Решили русского солдата по новой испытать на страх.
На брата брата натравили за дурь, посулы и бабло,
На флагах свастика и вилы, в обломках душ скрежешет зло.
Ну что ж, то ваш последний выбор, финал известен небесам –
Воздастся по цене ошибок, по вами пролитым слезам.
У Бога всё извечно в силе, и помолясь, и мир любя,
Сосредоточилась Россия, теперь пеняйте на себя!

НЕДЕЛИМОЕ УМНОЖЕНИЕ

Справедливость есть, справедливость бред?
Кто там прав, неправ, в разбомблённом рассвете?
Чьи дорожки безвинно убитые дети?..
Женщин и стариков не забудьте в ответе
И умножьте на те восемь лет.
Страх за близких под громы летящих ракет
И осколки снарядов в пути на работу,
Смерть и ужас, идущие рядом проглотно,
Гарь руин и воронки в садах беззаботных...
Всё умножьте на те восемь лет.

Неизвестность примерьте. Дурной рикошет,
Только мигом одним подводящий итоги,
Тем, кто ненависть встретил в обычной дороге,
И погиб, не за так, по желанью убогих...
Всё умножьте на те восемь лет.
Крики «Слава!» под вой санитарных карет,

Речи пьяных вождей под оркестры бомбёжек,
По подвалам детей сосчитать ведь не сложно,
Промокнуть лоскутами разорванной кожи
Ту цифирь и умножить на те восемь лет.

Вы не плачьте, в себе поищите ответ.
Скиньте бронезилет без вины виноватых.
Вам никто не грозил «Москалей на гилку!»,
Жаждой вас не морил, не считал за горбатых.
Умножайте на те восемь лет.

Вы – игрушки в раскладах заморских калек.
Слишком долго дышалось вам ядом измены.
Вам не мстят, не ломают вас через колено.
Тащат вас из геенны, и мир этот бранный,
Так и не поумневший за тысячу лет.

С ВИДУ – ГРУЗ 400, А ДУШОЙ – ДВУХСОТЫЙ

Переправы, ледоставы, дроны слева, дроны справа,
Снизу стоны, сверху матом, и убитые солдаты.
Пулемёты, миномёты, недолёты, перелёты.
И арта с утра не дремлет – пашет жизни, пашет землю.
У орудий стёрлись дула от снарядного разгула,
А obsлyга, знай, стреляет – служба у неё такая.
Снайпера – не новобранцы, приглашают смерть на танцы.
Сутки в лёжке или двое иль в дуэльном зверобое
Перебежки, перестрелки, целят целко, не по белкам.
Танки месят лесополки, ТОСы сыпят многостволко,
Выжигают дурь и лечат расплодившуюся нечисть.

Вишни срезаны разрывом, не зацвествь весною вишням.
На войне всё шито криво, но бывают передышки:

Дом – блиндаж с двойным накатом, у войны нехитрый быт.
Спят усталые солдаты, позывной «Старик» храпит.
Спит подобранный котик, остывает автомат –
Настрелялся, видно, слишком под уместный в драке мат.
Спит на полке Паустовский, рядом старенький Дюма –
Томикам на жёстких досках узость полки не тесна.
Красный угол под иконой, зрит с иконы лик святой,
Бережёт от похоронок, смерть отводит стороной.
На бревенчатой на стенке листик белый – «Нет войне!»,
Красный флаг, где в белом круге сам Георгий на коне
Бьёт копьём врага-дракона на погибель Сатане.
На другой – пяток рисунков неумелых детских рук,
Тихо дремлет шестиструнка, копит впрок волшебный звук.
Горячо гудит буржуйка, вся в работе горяча,
Помогает тусклым светом ей окопная свеча.

Аты-баты, спят солдаты, охранение не спит,
Утром в бой пошлют комбаты,
Бог не выдаст, всех простит.
Вот такой вот антураж – русский фронтовой блиндаж.
Жизнь окопная – такая, на войне как на войне.
Полночь дань свою собирает откровений в тишине:
Сидят в блиндаже двое русских, единого разные части.
Один – нараспашку в разгрузке, другой – в паутине из свастик.
Один – офицер боевой, комбат ополченской пехоты,
Комроты «Азова» – другой, пленённый «четырёхсотый».

– Садись, наливай себе чай! Ну что, перетрём по-живому?
– Судьба собрала невзначай, у каждого по позывному.
– Смотрю, парашют на плече, что, тоже крещён Дядей Васей?
– Был в списках, известной в/ч...
– Что здесь позабыл, на Донбассе?
– Да чёрт разберёт! Занесло. Я ж только стрелять и умею.
Единственное ремесло, тупею без портупей. Сам родом откуда?
– Донецк. Шахтёр в тридевятиом колене.
Дед, прадед, прапрадед, отец, все в угольных шахтах седели.
А ты из каких будешь мест?
– Одесса, слышал про такую?

– Ну да, ты один не балбес, а все остальные дуркуют. Чечня?..
– Был такой тарарам. Случаем не пересекались?
– Ну, если скачал по горам, всем горным баранам на зависть,
И духов душил не духами, то, может, и виделись там.
– Тогда мимо кассы базар, я больше ходил городами.
Копил от пожаров загар подругам на долгую память.
– Мой дед брал Берлин, а твой?
– Мой – Прагу и Киев, Варшаву, в пехоте погиб старшиной. Твой жив?
– Мой на́ небе и не генералом. Летёхой Победу встречал,
Преставился в сорок девятом.
От ран как-то быстро устал, доби́ли болячки солдата. Семья?
– До сих пор никого. Бродяги у женщин не в моде.
Шагал по земле широко. Наёмник – боббль по природе.
А сам, ребятишек завёл?
– Сын. Вымахал до потолка, воюет в соседнем окопе.
Совсем не обстрелян пока, но фору даст ср...ной Европе.

Булькнул спирт в стакан из фляги.
На войне без спирта тяжко,
Если струны в перетяге, он первейшее лекарство.
Опрокинули не морщась,
И на выдохе чуть слышно прохрипел солдат в пригоршню:
– Дочь... Была... Совсем малышка. Их с женой накрыло разом.
Прилетело в прошлом годе, утром, в спящих...
Ваши «Градом» развлекались на восходе.
Я тогда который месяц не вылезал из окопов.
В том очередном замесе навалились укры скопом.
Не с понтами, как обычно все последние два года,
А нахраписто, по-бычьи, подсобрав чужого сброда
Из заморских побирушек со всего дурного света,
Делегация уродов в «Абрамс»-бренды разодетых.
Мать девчонок хоронила без меня и без оркестра.
Через день сошла в могилу, вслед за внучкой и невесткой.
Сын седой, я и подавно. Нам теперь одна дорога –
За убитых и державу мразь двухсотить в списки к Богу.
Что глаза упёрлись в берцы, проглотил язык, приятель?
Покопайся в своём сердце, где герой там, где предатель.

Смотрит в пол мужик напротив. Расставляет ночь акценты.
Взгляд затравленно-животен, совесть продана за центы.
Выжжено, что было свято, скурены в дыму отравы
Честь, присяга, дружбы, клятвы под гудёж гулянок бравых.
В наркотическом угаре братство воинов забыто,
Замер в прошлом русский парень у разбитого корыта.
Не подняв глаза от пола, не меняя жалкой позы,
Прорычал людской осколок:
– Слышь, брательник, дай мне дозу!
Подыхаю, нету силы, всё, что хочешь, всё, что знаю,
Мне без дозы – к горлу вилы, выручай, брат, умираю!

– Я не брат тебе, запомни, братом ты мне был когда-то,
Ты – убийца вероломный, вырись, сшедшая на брата!
Расскажи о своих муках тем, кого убил по пьяни,
Тем, кого живыми, сука, хоронил в глубокой яме.

Мамкам расскажи, что деток собирали на асфальте
По частям в обломках веток! С выражением, пожалейте!
Расскажи о тяжкой доле не проснувшимся в обстрелах
Старикам, по вашей воле, вдруг услышат. Будет дело!
Пожалеют, вынут грошик из сгоревшего кармана,
Чтоб собрать последних крошек для святого наркомана.
Обещаю, доза будет, полной мерой по заслугам.
И тебе, и всем без веры, заблудившимся тварюгам.

В просвете бойницы рассвет. Команда – «Конвой, уведите!».
И пишется дальше сюжет, и пишет его Победитель.

ПУШКА УДИВИЛАСЬ ПТИЧКЕ НА СТВОЛЕ

«Заблудилась, видно, птичка на войне», –
думалось той пушке посреди зимы
в отдыхе привальном, миге тишины.
И смотрел на птичку молодой танкист.
«Пенье птички лучше, чем снарядов свист», –
думалось танкисту, вспоминался дом,
дом, в котором с братом рос он пацаном.
Дом, в котором с братом слушал пенье птиц
в крае, где когда-то не было границ.
В крае, где когда-то жили как в раю,
хором песни пели про страну свою.
Но беда случилась, нет теперь страны,
разбросало братьев по краям войны.
В разные присяги, каждый в свой окоп.
Целят в полушаге друга дружке в лоб.
Думалось танкисту: «Как такому быть?
Может мой же выстрел братана убить!
Как смогу я после матери в слезах
на сыром погосте посмотреть в глаза!»

Брат в чужом окопе думал о другом.
Брат родного брата записал врагом,
дом забыв и песни, Родину, дедов,
стал в ворожей стае худшим из врагов.
Обкурился братец бесовской травы,
расписал по коже знаки сатаны.
Бьёт из «Градов» братец женщин и детей,
в черед парадов трусости своей.
Заливает страх свой кровью без стыда.
И таких у смерти тучные стада.

Дум окопных сырость, сверху смотрит Бог.
Что кому приснилось, кто чего не смог...
И сродни окопам глубина могил,
Двум братьям в привале белый свет не мил.
Братья отдыхают, воинский уют...
Пушки убивают, птички гнёзда вьют.
Птичке мало дела до хлопот войны,
птичка лапки греет баловнем судьбы –
ствол у пушки тёплый после злой пальбы.

НА ФРОНТЕ НЕ БЫЛ

Вживую на фронте не был – годы давно не те.
С душой ничего не поделает, там она, на войне.
Там, где грохочут взрывы, льётся слеза и кровь,
Бьются с нечистой силой Вера, Надежда, Любовь.
Там постигаю скорби, пробую вкус побед,
В грязных окопах горблюсь, слыша разрывы ракет.
Там я бываю ранен, плачу среди руин,
Видя убитых в храме, «мирных» в разрывах мин.
Там я спасаю друга и подношу снаряд,
Флягу пускаю по кругу среди своих ребят.
Там я пушкарь и пекарь, штурм, и сапёр, медбрат,
Малость служу поэтом, русский простой солдат.
Я из пехоты слова – добрый, в атаке злой,
Просто один из многих, не выбравший позывной.

ЗВОНОК С ФРОНТА

Мамуль, прости, что долго не звонил!
Война у нас, здесь на звонки запреты.
На передышку вывели нас в тыл,
Звоню, держась за краешек планеты.

Так уж вышло, мама, так уж вышло,
я ушёл в поля не сеять хлеба,
объяснить, что есть святое, пришлым,
защитить страну и наши вербы.

Вспомни деда, был меня моложе
в день, когда война пришла на землю.
Он ушёл с винтовкой в бездорожье,
покрещённый в спину всей деревней.

Так уж вышло. И прости, родная,
не для пули ты растила сына!
Родину, мамуль, не выбирают,
собирает Родина дружину!

Ты сама меня всегда учила –
за любовь и Родину не страшно
не жалеть ни живота, ни чина,
если бой случится рукопашный.

Не могу смотреть, как убивают
женщин, стариков и ребятишек.
И вконец осатанел хозяин
этих тварей, со снесённой крышей.

Дома мне не жить спокойно, мама!
Нет на свете ни одной причины
мне бояться шантрапы и шрамов.
Просто потому, что я – мужчина.

Кто, кроме нас! А значит, нам и должно
Сделать эту грязную работу.
Справлюсь, мама, нам Господь поможет,
Господу – наш молодой комроты!

Я вернусь, как разберусь с бандотой.
Береги себя, сестрёнку, нервы.
Не «двухсотым», мама, не «двухсотым»,
тысячным вернусь из самых первых.

Всё, мамуль, труба зовёт, сбегаяю!
Мне пора идти закончить войны.
Береги себя, люблю, родная,
за меня и дом наш будь спокойна!

МОЙ ПАПА УШЁЛ НА ФРОНТ

Мой папа ушёл на фронт.
Я в фильмах видел такое,
Там был вокзальный перрон,
Семья провожала героя.
Там плакали мать и сестра,
Как-будто прощались навечно,
Горели прожектора
И дождик ложился на плечи.
И в том чёрно-белом кино
Был мальчик, обнявший папу
Уткнувшись в шинели сукно,
Сынишка того Солдата.

Он долго потом смотрел
Вослед огонькам вагона,
Пока в тишине пустел
Закат на краю перрона.
Потом там была война,
Сражался отец с врагами,
Там встала на бой страна
За чистое небо над нами.
Победный звучал салют,
Вернулись солдаты с фронта,
А с ними – покой, уют
До самого горизонта.

Три раза смотрел до конца
Тот фильм, затаив дыхание...
На фронт проводил отца,
Как тот пацан на экране.
Всё тот же к нам рвётся враг,
Его молодые потомки,
И снова фашистский флаг
Достал он из-под обломков.
Победе его не бывать!
Мой папа, Серёжкин, Марата
Собрались в святую рать,
Как наши деды когда-то.

Не будет пощады врагам.
Отцы наши знают дело,
Чужим не дадут сапогам
Топтать нашу землю смело.
Теперь буду за мужика –
Защитник, помощник маме.
У папы в тылу, пока
Он бьётся в войне с врагами.
За правое дело горой,
Мой папа за нас спокоен.
Герой! Значит, сын – герой,
И мама – жена героя.